

ДЕВЯТЬ ЧЕТВЕРГОВ

1. Остро

Дверь в придорожное кафе распахнулась. С грохотом. Попугай в клетке очнулся от полуденного сна и то ли закудаhtал, то ли закрхтел. Будто не определился — кому ему сегодня подражать: курице, что жила на заднем дворе, или старику-хозяину забегаловки. Вслед за грохотом в кафе влетел мальчуган в полосатой футболке и синих шортах. В одной руке он сжимал игрушечную машинку, другой — тянул за собой молодую женщину в похожей полосатой футболке, только сильно выцветшей.

— Извините, — тихо сказала женщина пустому кафе и аккуратно прикрыла за собой дверь.

Как только ее рука отпустила мальчика, тот сразу же продолжил свой гоночный заезд. Машинка разогналась, зарычала и покатилась меж пустых столов. Женщина осталась стоять у двери и лишь глазами следила за игрой сына. Попугай в клетке еще пару раз вяло крякнул, но, не получив ответа, спрятал голову обратно под крыло.

Из-за незаметной двери в дальнем углу кафе появилась грузная официантка с телефоном у уха. Она словно вышла из старого анекдота: белые волосы, скрученные на макушке, были залачены в лучших традициях восьмидесятых, фиолетовые тени забыли, что должны быть на веках, и уползли яркой дорожкой до висков, а ядерно-красный на губах словно предупреждал об опасности и возможных оскорблениях.

Не прерывая телефонного разговора, официантка подошла к подобию барной стойки и принялась наливать себе чай. Ее голос с легкостью заглушал и искусственный рев от машинки мальчика, и настоящий рев от машин, пронесившихся по шоссе за окном. Женщина, тенью стоявшая у двери, наконец, двинулась и подошла ближе к барной стойке.

— Да, конечно. Лишай у него. Я ему говорю, ты, это, давай на диван. А он обижается. Говорит, что от меня заразился. А у меня-то нет. Мне-то сказали, у меня экзема.

Официантка повернулась к женщине и окинула ее взглядом, но, видно, не признав в ней человека важного, отвернулась и продолжила разговор:

— Да это не одно и то же. Ну, не заразен. А мне неприятно. Мокнет. Нет, у меня не мокнет. Я тебе фотку пришлю. Ага.

Входная дверь вновь открылась, и в кафе зашел потрепанного вида старик в фуражке. Попугай опять проснулся и поприветствовал новоприбывшего сиплым «Капитан!»

Официантка поморщилась и, наконец, повесила трубку.

Старик подошел к барной стойке и беззубо улыбнулся женщине.

— Вот и вы, голубушка. Добро пожаловать!

Женщина кротко кивнула.

— А это у нас кто? — спросил старик, указав на мальчишку.

— Миша, — тихо отозвалась женщина. — Вы сказали, что можно будет...

— Можно, конечно. — Старик махнул рукой. — Мишань! Хочешь лодку покажу?

С мотором.

Миша подбежал к женщине.

— Мам, можно?

— Только аккуратно.

— Ну, вот и славно, — хлопнул в ладоши старик и обратился к официантке. —

Ириш, знакомься. В нашей скромной семье пополнение.

Ириша поджала красные губы.

— Зачем это?

— Ну, ты ж жаловалась, что одной тяжело. Вот тебе сменщица. Таня. Ты, давай-ка, покажи тут ей всё, а мы с Мишаней на задний двор — к лодке.

Старый хозяин по-отечески взял мальчика за руку и увел, оставив Иришу и Таню одних в пустом кафе.

В следующие два часа Ириша продемонстрировала Тане всю палитру своих взглядов: скучающий, сердитый, презрительный и даже заинтересованный. Благо, помимо взглядов, Ириша всё-таки продемонстрировала тихой сменщице и что от нее требуется, как от официантки тире бармена тире уборщицы. Когда обзор владений был завершен, Ириша попыталась разговорить Таню, выяснить, откуда она такая здесь взялась, но та лишь пожимала плечами. Тогда Ириша попробовала посплетничать, но опять мимо. Видно, решив, что лимит добродушия на сегодня исчерпан, Ириша направилась к выходу.

— Я вернусь после ужина. К вечеру дальнобоев будет много. А до этого времени справишься и одна.

Таня побледнела, но кивнула. У самой двери Ириша вдруг остановилась и обернулась. С ее лица слетела спесь, а на переносице появилась глубокая морщина.

— Там скоро Вера придет. Наша постоянная. Заказывает всегда одно и то же. Сделай всё, как она хочет. И, это, будь с ней повежливей.

Ириша ушла. А через час за третьим столиком от окна появилась женщина лет пятидесяти. Спортивная кофта висела на ее плечах, как на вешалке. Казалось, что она вся состояла из углов. Острые плечи, острый подбородок, острый нос. Даже пучок на голове был затянут остро. Вот только глаза были не острые. Они просто были.

— Добрый день. Что желаете?

— Омлет и черный чай. Без сахара, — отчеканила гостья, не отводя взгляд от спящего попугая в углу.

Таня зашла на кухню и передала заказ одинокому повару Санжару.

— Вера? — спросил тот.

Таня пожала плечами.

— В спортивном костюме. Третий столик от окна. Омлет и черный чай?

— Да.

— Вера, — вздохнул Санжар, сбросил с плеча мешок муки и принялся за работу.

Таня готовила Вере чай за барной стойкой, когда услышала: «Омлет готов». Зайдя на кухню, она увидела, что на столе ее уже ждала тарелка. Санжара рядом не было. Таня взяла блюдо и хотела уже нести в зал, когда заметила на соседнем столе пиалу с рубленным зеленым луком. Схватив засаленный листок меню, Таня нашла картинку с омлетом и убедилась, что тот должен быть посыпан зеленью. Взяв пиалу, Таня опрокинула ее содержимое на блюдо и поспешила в зал.

— Приятного аппетита, — сказала она, ставя тарелку на стол. — Сейчас принесу и чай.

Вера, наконец, отвернулась от попугая и посмотрела на то, что ей принесли. Ее плечи дернулись, будто от удара током. Подбородок задрожал.

— Что-то не так? — прошептала Таня. — Может...

Но Таня не успела договорить. Вера вскочила, опрокинув стол. Тарелка с омлетом полетела на пол и разбилась. Таня отпрянула и прижала руки ко рту. Глаза женщин встретились.

— Что здесь стряслось? — слышался голос Санжара, вошедшего в зал.

Вера первой пришла в себя.

— Извините, — выдохнула она и поспешила прочь из кафе.

Таня проводила странную гостью взглядом. И только когда ее острые пятки скрылись за дверью, выдохнула, опустилась на пол и принялась собирать осколки. Санжар присел рядом и поднял с пола кусочек зелени.

— В тот день Вера ела омлет без лука.

2. Беззвучно

Телефон в кармане передника Тани вибрировал. В очередной раз. Беспольный раз. Но брать трубку Таня не была готова. А вот работать — очень даже. И желательно побольше. Так, чтобы не думать. Так, чтобы не помнить.

За неделю Таня освоилась на новом месте: подружилась с Санжаром и попугаем Кузькой, стала громче говорить и один раз даже надела яркую футболку. Ириша перестала смотреть на Таню, как на врага. И теперь дарила сменщице лишь безразличие. Миша всё время проводил на заднем дворе со старым хозяином кафе: чинить мотор лодки оказалось интересным занятием. И, слава Богу, мальчику было чем заняться. Хотя бы пока, на лето. А там...

Дверь в кафе тихонько скрипнула. Угловатая тень, прорезав воздух, проскользнула внутрь и заняла привычное место. Третий столик от окна. Вера. С тем же конусообразным пучком на голове и в той же спортивной кофте, которая ей явно уже давно была не по размеру.

Заметив гостью, Таня огляделась: Ириши нигде не было. Опять, наверное, в каморке болтала по телефону. Таня выдохнула и направилась к столику. Вера, как и в прошлый раз, сидела неподвижно и смотрела на попугая в углу, словно ждала, что тот заговорит.

— Добрый день, — начала Таня осторожно, — я хотела извиниться за прошлую неделю. Я...

— Омлет и черный чай. Без сахара, — отрезала Вера. Голос был ровным, лишенным выражения, как и ее лицо.

— Да, конечно. Но я всё-таки хотела...

Таня не успела договорить. Ириша, возникшая будто из воздуха, дернула ее за рукав и оттащила от столика.

— Не приставай к ней, — шикнула Ириша. — Взяла заказ, отдала. Всё.

Желто-оранжевые тени на веках Ириши, словно сигнал светофора, предупреждали Таню, что ей стоит быть осторожной. Таня беззвучно кивнула и последовала за Иришей на кухню.

— Санжар, там Вера, — кинула Ириша, отодвигая зеленый тазик с рублеными огурцами со стола.

— Что с ней случилось? — всё-таки не сдержалась Таня.

— Тебе-то что? — отрезала Ириша и ушла.

— Удивительно, — усмехнулся Санжар, укладывая мешок с мукой под стол. — С утра до вечера языком мелет, а тут вдруг молчок. В аварию она попала. Недалеко отсюда. Год назад. В четверг. Мы думаем, что память отшибло.

Санжар разбил пару яиц в миску и заработал венчиком.

— Но походу помнит что-то. Наверное, как была здесь перед аварией. Вот и приходит каждую неделю. В одно и то же время.

Дверь на кухню распахнулась. На пороге возник грозный овал Ириши.

— Омлет?

— Скоро будет, — ответил Санжар.

Ириша скрестила руки на груди и встала, как часовой. Следила за каждым движением повара. Таня, решив не испытывать судьбу, выскользнула обратно в зал.

Вера всё так же сидела за столиком с прямой спиной. Присмотревшись, Таня заметила на ее щеке шрам: тонкий, беловатый, острый. Такой же как хозяйка. Но ведь когда-то она была другой? Мягче? Таня не знала этого наверняка, но почему-то верила — углы у Веры появились не сразу. А может, ей просто хотелось в это верить. Таня не любила углы, не любила, когда они появлялись у близких и разрезали привычную жизнь на «до» и «после». Не любила и боялась. Но в углах Веры было что-то хрупкое, будто их еще можно было сгладить. Словно Веру можно было еще вернуть. В отличие от...

Телефон в переднике вновь завибрировал. Таня вздрогнула и сбросила вызов.

3. Суматошно

У поломки экскурсионного автобуса были плюсы: такого аншлага в кафе давненько не бывало. Но были и минусы: Санжар, Таня и Ириша еле справлялись с наплывом гостей. Старику-хозяину вновь пришлось встать у плиты, а Мишка вызвался разносить заказы. В кафе яблоку негде было упасть. Лишь один столик пока оставался свободным. Третий от окна. Ириша позаботилась.

Точно по расписанию, тень Веры проскользнула в кафе и уселась на привычное место. Как всегда, незаметно. Непривычный шум и гвалт голосов явно сбил Веру с толку. Она не уставилась, как обычно, на попугая. Ее взгляд заскользил по неизвестным лицам и, наконец, добравшись до Тани, замер. Та кивнула — осторожно, как бы не спугнуть — и быстро передала на кухню заказ. Пока Санжар готовил омлет, Таня заварила для Веры чай. Миша крутился под ногами. Ему нравилось быть при деле. Вот уже три дня как мотор на лодке был починен, и хозяин не знал, чем еще можно занять мальчугана. А тут такое...

— Мам, а мы скоро в город вернемся? — спросил Миша, будто между делом.

— Не знаю, — ответила Таня. — На, держи. Кофе — за четвертый, чай — за третий.

Миша уверенно взял две чашки и направился к указанным столикам. В последний момент Таня и Ириша, синхронно почувствовав неладное, обернулись и заметили, как Миша поставил чашку с кофе на столик Веры. Официантки переглянулись и задержали дыхание.

Вера посмотрела на кофе перед собой, на Мишу, который уже направился дальше, перевела взгляд на испуганную Таню, вновь на Мишу.

— Я заказывал кофе, — сказал мужчина за соседним столом.

— Ой, перепутал, простите, — пролепетал Миша, схватил чашку с чаем и метнулся к столику Веры. Он улыбнулся во все свои 20 зубов и поменял напитки. Вера схватила свой черный чай, сделала глоток и вернула взгляд к попугаю.

Таня и Ириша облегченно выдохнули.

4. Страшно

Дальнобойщик Витя заезжал в кафе каждые три дня. И каждые три дня он отвешивал Ирише комплименты, не забывая про «щечки-яблочки» и «глаза-изумруды». Ириша ругалась, краснела и хихикала. Каждые три дня. По часам. Казалось, всё в этом кафе двигалось по часам: Вера и ее омлет, Санжар и мешок муки, Ириша и тени всех цветов радуги, Витя с его комплиментами, даже мотор лодки — и тот снова сломался, будто не желая нарушать заведенный ритм. И теперь старик-хозяин и Миша вновь его ремонтировали.

Ириша хихикнула над очередным комплиментом Вити, когда тень Веры вошла в кафе. Таня уже собиралась идти к Санжару заказывать омлет, когда заметила, что Вера остановилась в дверях. Замерла, глядя на Витю. Ее глаза расширились, руки затряслись, дыхание сбилось, стало резким, прерывистым, как будто ей не хватало воздуха.

— Здравствуйте, Вера, — сказал Витя, осторожно, почти ласково.

Наверное, тоже заметил, как та на него отреагировала, и хотел успокоить, но... Вера отшатнулась, развернулась и выбежала из кафе.

— Это что-то новенькое, — тихо сказала Таня, подойдя к окну: автомобиль Веры выезжал на шоссе.

— Я вытащил ее тогда из машины, — сказал Витя.

Таня повернулась к дальнобойщику.

— Она помнит?

— Может, и не помнит. Но чувствует, — ответила за него Ириша, вздохнула и повела Витю к его привычному столику.

5. Больно

«На трассе недалеко от населенного пункта Верхнее произошло серьезное ДТП с участием легкового автомобиля. В результате столкновения с оленем транспортное средство перевернулось. Водитель — женщина 55 лет — выжила, но в тяжелом состоянии была госпитализирована. Трое пассажиров: мужчина, молодая женщина и ребенок, скончались на месте от полученных травм...»

Крик Ириши заставил Таню отлипнуть от экрана телефона. Она вбежала в кухню. Ириша стояла у раковины, прижимая окровавленные пальцы к груди. У ног валялся нож.

Таня подошла к Ирише и протянула руки.

— Дай посмотрю.

— Уйди! — рявкнула Ириша и взвыла.

— Дай. Посмотрю.

— Ты что, врач?

— Да.

— Врешь, — шикнула Ириша и недоверчиво посмотрела на Таню. Та терпеливо ждала с протянутой рукой. Наконец, Ириша сдалась.

— Что здесь случилось?

Санжар появился в проеме кухни, как всегда, с мешком муки на плече.

— Порез не глубокий, — ответила Таня, не оборачиваясь.

Чумазый Миша влетел на кухню.

— Там Вера пришла, — доложил он.

— Понял, — тут же отозвался Санжар, скинул мешок на пол и поспешил к холодильнику.

Миша посмотрел на маму, промывающую Ирише рану, и улыбнулся.

— А я тогда сделаю чай, — сказал мальчик и поспешил обратно в зал.

Таня осторожно обработала Ирише рану. Порез на сгибе пальца, дело, конечно, неприятное, но сухожилия целы.

— Заживать долго будет. Неудачное место, — заключила Таня, повязывая бинт.

— Что ты здесь делаешь? — вдруг строго спросила Ириша.

— Работаю.

Таня уже собрала аптечку и хотела возвращаться в зал, когда Ириша схватила ее за рукав.

— Что ты здесь делаешь? — повторила та, и в ее голосе не осталось ни боли, ни удивления — только требование.

Телефон Тани вновь завибрировал в кармане. Она вырвалась из хватки Ириши и вышла из кухни.

6. Сложно

— Может, ты и Кузьку нашего могла бы подлечить? — спросил старик-хозяин, заботливо накидывая полотенце на клетку. — Совсем он что-то не ест, исхудал.

Таня жалостливо улыбнулась и покачала головой.

— У меня и с людьми-то не всегда выходит. А с животными... Не умею.

— Эх, жаль, — вздохнул старик. — Дорогие нынче ветеринары. Ну, пошел я.

Старый хозяин аккуратно поднял клетку и вышел из кафе, оставив Таню со скучающим Мишей одних.

— Мам, ну когда мы вернемся в город? — тут же заныл мальчик. — Надо же к школе покупать всё. Ты еще кроссовки новые обещала...

От ответа Таню спас жалобный скрип двери. Таня обернулась. На пороге стояла Вера и смотрела на Мишу. Тане показалось, что глаза Веры на мгновение словно ожили, засветились, плечи расправились и даже будто стали мягче. Но всё это продлилось не больше секунды. Взгляд Веры скользнул в угол. Туда, где еще пять минут назад стояла клетка с птицей. Вера вновь заострилась, резко развернулась и вылетела из кафе.

— Что в этот раз не так? — фыркнул Миша.

Таня могла лишь вздохнуть.

— Попугай. В тот день был попугай.

7. Резко

Кузька в свою клетку так больше никогда и не вернулся. В отличие от Веры. Когда Таня в очередной раз подала женщине омлет и собиралась уже уходить, сильный голос заставил ее остановиться.

— У вас хороший сын.

Таня замерла и с удивлением посмотрела на Веру. Но та уже опустила глаза и принялась ковырять омлет, будто хотела в нем спрятаться.

— Спасибо, — прошептала Таня и поспешила к барной стойке.

Спустя двадцать минут, когда Вера закончила с омлетом, Таня подошла к столику и, сама от себя не ожидая, вдруг села напротив. Тут уже Вера с удивлением подняла глаза на официантку.

— Зачем вы хотите вспомнить? — спросила Таня.

— Что?

— Я бы на вашем месте хотела забыть, а вы хотите вспомнить. Зачем?

— Я помню, — прохрипела Вера.

— Но...

— Я всё помню.

— Зачем же тогда?..

— Чтобы не забыть.

Вера наклонилась к Тани ближе и захрипела:

— Я хочу помнить, как я, мой муж, дочка и внук обедали, шутили, смеялись, радовались. В тот, последний раз. Как вернулись к машине, как я села за руль... — Вера тяжело сглотнула. — А затем как лежала на асфальте в крови. И смотрела, как они умирают.

У Тани перехватило дыхание, она не могла отвести глаз от Веры, которая старела с каждым словом.

— Здесь я последний раз была счастлива. Здесь — до, и здесь — после. — Вера вырывала из себя признание. — Я хочу это помнить. И как я всё разрушила — тоже. Вот этими руками.

— Но ведь выпрыгнул олень. Вы не виновата...

— Вот этими руками! — вдруг вскрикнула Вера и затрясла худощавыми кистями перед лицом Тани.

— Это же пытка.

Вера рассмеялась. Грубо, остро, больно. И спрятала руки за спину.

— Именно, — прошептала она и вновь посмотрела в угол, где раньше стояла клетка с птицей. — Мой внук мечтал о попугае.

8. Честно

«Ты не можешь жить непонятно где вечно!»

«Татьяна Олеговна, а вы еще ведете прием в Боткинской?»

«Насте надо ставить памятник»

«Ты не одна!»

«Ты не виновата»

«Татьяна Олеговна, я могу доверить Диму только вам»

«Настя бы не хотела, чтобы ты из-за нее становилась отшельником»

«Не порть жизнь Мише!»

«Как будешь готова вернуться – твое место тебя ждет»

Звонки и сообщения не прекращались. Друзья, коллеги, мама. Одни звали назад. Другие умоляли. Третьи обвиняли. Слова были как дождевая дробь по крыше: каждый удар — напоминание. Каждый звонок тянул назад. В город, в кабинет, в прошлое. В вину.

— Зачем ты здесь?

Ириша вынырнула из ниоткуда. С зелеными тенями на веках — блестящими, тяжелыми, назойливыми.

Таня вздрогнула. Телефон чуть не выскользнул из рук.

— Зачем ты здесь? — повторила Ириша и оперлась на барную стойку.

Но Таня не отвечала. Тогда Ириша схватила Таню за плечи и рывком повернула к себе, заставив ту ойкнуть. Движение получилось грубым, но не жестоким — как если бы Ириша хотела встряхнуть Танину душу.

— Кто это был?

— Что?

— Кого ты не спасла? Из-за кого бежала?

— Я не понимаю, о чем ты.

Ириша укоризненно покачала головой.

— Кого ты не спасла? Ты же хирург, да? Я нашла про тебя в интернете.

Таня всхлипнула.

С другого конца зала Вера, будто привязанная к боли, оторвала взгляд от угла. Ириша, заметив это, схватила Таню за руку и поволокла на улицу, под охлаждающий ливень. Ириша остановилась под козырьком, а Таню вытолкнула прямо под стену дождя, как будто выставляла на суд небу.

— Кто?

Вода застилала Тане глаза, стекала с волос, заливалась за шиворот, заставляя дрожать.

— Не твое дело, — прошептала она, еле слышно.

— Кто?! — прогремела Ириша с ударом грома. — КТО?!

— Сестра! — наконец, выкрикнула Таня, и голос ее сорвался. — Не спасла! Не спасла! Не...

— Ты виновата?

— Нет, но...

— Еще одна! — Ириша вскинула руки. Таня сделала шаг вперед, в надежде вернуться под козырек, но Ириша оттолкнула ее обратно под дождь. — Хочешь здесь застрять? В этой петле памяти? Как Вера? Как я? Милости прошу! Но сына! Сына в эти зыбучие пески не затягивай! Не смей! Поняла?

Таню затрясло.

— Двигайся. Двигайся! — рявкнула Ириша и вернулась обратно в тепло, оставив Таню под дождем.

Когда та, наконец, ожила и зашла в кафе, ее встретила привычная картина: Вера всё так же ела омлет, Санжар перетаскивал муку, а старый хозяин чинил мотор лодки.

Миша неподвижно сидел у окна. Игрушечная машинка лежала рядом.

9. Сладко

В четверг Вера, как обычно, пришла в кафе. И долго искала глазами Таню и Мишу. Но не нашла. Заостренная, она прошла на свое место и увидела, что на столике ее ждали игрушечная машинка и пиалка с зеленым луком.

В тот четверг Вера попросила сделать ей чай с сахаром.